

Научно-исследовательский журнал «*International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии*»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 37.015.3

¹Зарипова А.Ф.,

¹Самарский государственный социально-педагогический университет

Феномен отчужденной субъектности как мишень психокоррекционного воздействия при работе с последствиями сексуализированного насилия

Аннотация: в статье рассматриваются психологические последствия переживания психотравмирующих событий, особое внимание уделяется сексуализированному насилию. Анализируется ограниченность диагностических критериев посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и вводится концепция «отчужденной субъектности» для описания глубинных нарушений самоорганизации личности. Подчеркивается, что механизм формирования последствий травмы связан с расщеплением Я и вытеснением травмированного фрагмента личности, который, будучи отчужденным, продолжает проявлять активность через derivatives (навязчивые повторения, симптоматику). Проводятся различия между чувством вины, связанным с ситуацией, и устойчивым чувством стыда, формирующим негативное самоопределение, которое возникает при прямом воздействии на личность. Описывается, что психокоррекционная работа, направленная лишь на симптоматику, менее результативна, чем глубинная работа с механизмами психики. В качестве мишени воздействия предлагается рассматривать процесс интеграции отчужденной субъектности. Частично затрагивается проблема викарной травматизации специалистов.

Ключевые слова: психологическая травма, сексуализированное насилие, ПТСР, комплексное ПТСР, отчужденная субъектность, нарушения самоорганизации, расщепление Я, чувство стыда, викарная травма

Для цитирования: Зарипова А.Ф. Феномен отчужденной субъектности как мишень психокоррекционного воздействия при работе с последствиями сексуализированного насилия // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 391 – 398.

Поступила в редакцию: 2 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹Zaripova A.F.,

¹Samara State Social-Pedagogical University

The phenomenon of alienated subjectivity as a target of psychocorrective action during work with consequences of sexual violence

Abstract: this article examines the profound psychological consequences of traumatic experiences, with a specific focus on sexualized violence. It addresses the limitations of standard diagnostic criteria for Post-Traumatic Stress Disorder (PTSD) in capturing the depth of personality disintegration following such events. The study aims to introduce and elaborate the concept of 'alienated subjectivity' (otchuzhdennaya sub'ektnost) to describe core disturbances in self-organization. It seeks to differentiate the mechanisms of trauma formation, particularly the splitting of the self and repression of the traumatized fragment, from simpler symptomatic presentations. The research employs a theoretical and conceptual analysis based on a synthesis of psychoanalytic theory and clinical observation. The methodology involves a critical examination of existing diagnostic frameworks and the development of a new conceptual model for understanding complex trauma. The analysis reveals that the repressed fragment of personality, while alienated, remains active through derivatives such as compulsive repetitions and symptoms. A crucial distinction is made between situation-related guilt and persistent shame, which forms a negative

self-identity. Furthermore, the article highlights the phenomenon of vicarious traumatization of mental health professionals. The findings suggest that psychotherapy focused solely on symptom reduction is less effective than depth work addressing the underlying psychic mechanisms. The process of integrating ‘alienated subjectivity’ is proposed as a primary target for therapeutic intervention. This represents a paradigm shift for treating complex trauma outcomes beyond the PTSD framework.

Keywords: psychological trauma, sexualized violence, PTSD, complex PTSD, alienated subjectivity, violations of self-organization, fragmentation of the ego, sense of shame, vicarious trauma

For citation: Zaripova A.F. The phenomenon of alienated subjectivity as a target of psychocorrective action during work with consequences of sexual violence. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 391 – 398.

The article was submitted: July 2, 2025; Approved after reviewing: September 4, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Психологическая травма определяется как внутренняя реакция на эмоционально, умственно или физически негативное или болезненное событие. Последствия травмирующих событий могут проявляться в любом возрасте и наблюдаться в течение всей жизни [1]. Широкий опыт изучения последствий психологических травм позволил условно разделить потенциально травмирующие события на несколько видов: неблагополучные ситуации в детстве (травмы развития), применение различных форм насилия (физическое, эмоциональное, сексуализированное), переживание утраты и горя, критические угрожающие жизни ситуации, заболевания, природные и техногенные катастрофы.

Особое внимание уделяется последствиям сексуализированного насилия. Проблема распространенности и последствий сексуализированного насилия в отношении несовершеннолетних продолжает оставаться одним из наиболее социально и психологически значимых вызовов современности. По данным международных организаций, с различными формами сексуализированного насилия сталкивается каждый пятый ребенок, причем наибольшему риску подвержены подростки [2]. Психологические последствия при этом носят комплексный и пролонгированный характер, затрагивая все уровни функционирования личности: эмоционально-аффективный, когнитивный, телесный и межличностный. Высокие показатели посттравматической симптоматики, депрессивных и тревожных расстройств, а также суицидального поведения среди пострадавших диктуют необходимость поиска более эффективных моделей диагностики и психологической помощи. На сегодняшний день основными диагностическими конструктами для описания последствий травмы являются посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) и комплексное ПТСР, введенное в

МКБ-11. Однако, как показывают клинические наблюдения, данные категории зачастую оказываются недостаточными для релевантного описания глубинных нарушений идентичности и самоотношения, формирующихся в результате психотравмы, в особенности сексуализированного насилия, где травма направлена непосредственно на личность и тело пострадавшего. Классические критерии не полностью охватывают феномен глубокого расщепления и отчуждения частей самости, который является центральным в переживании травмы у данной категории пострадавших. Это создает «диагностический вакуум» и ограничивает возможности для разработки точных мишеней психокоррекционного воздействия.

В качестве теоретической альтернативы, позволяющей преодолеть указанные ограничения, предлагается концепт «отчужденной субъектности». Данное понятие, опирающееся на теорию субъектности В.А. Петровского [3] и теорию объектных отношений М. Кляйн [4], описывает психологическое образование, возникающее в результате диссоциативного расщепления целостного «Я» и последующего вытеснения и объективизации той его части, которая непосредственно связана с травматическим опытом. В отличие от классических моделей, фокусирующихся на симптоматике, эта модель позволяет сместить акцент на нарушения внутренней структуры личности и механизмы формирования устойчивого чувства стыда, что, по нашему предположению, является ключевым звеном в генезе долгосрочных последствий сексуализированного насилия у подростков.

Целью исследования является эмпирическая верификация концепции «отчужденной субъектности» как ключевого психологического образования, формирующегося у подростков, переживших сексуализированное насилие.

В развитие данной идеи выдвинута гипотеза, что у подростков, переживших сексуализирован-

ное насилие, формируется специфическое психологическое образование – «отчужденная субъектность», характеризующееся диссоциативным расщеплением образа «Я», объективизацией травмированной части личности и ее устойчивой стигматизацией посредством чувства стыда. В качестве частных гипотез выдвинуты следующие: отчужденная субъектность содержательно проявляется в нарративах подростков через ряд специфических категорий: расщепление, объективизация, атрибуция негативных качеств, инактивация («я ее не контролирую»); формирование отчужденной субъектности является центральным звеном в генезе устойчивого, плохо поддающегося коррекции чувства стыда, в отличие от чувства вины, которое в меньшей степени связано с этим феноменом, активность отчужденной субъектности проявляется через широкий спектр дериватов: психосоматические симптомы, избегающее поведение, самоповреждающие действия и навязчивые повторения травматического сценария; работа с отчужденной субъектностью как с мишенью психокоррекционного воздействия (ее признание, легитимизация и интеграция) будет более результативной для восстановления целостности личности, чем работа, направленная исключительно на снижение симптоматики ПТСР.

Материалы и методы исследований

В теоретической части исследования применен качественный методологический дизайн с использованием методов теоретического анализа и концептуального моделирования. Работа носит междисциплинарный характер, находясь на стыке клинической психологии, педагогической психологии и психоанализа. Анализ проводится на основе релевантных научных источников, выборка которых включает научные монографии и статьи, посвященные последствиям психологической травмы, в частности, сексуализированного насилия, фундаментальные работы в области психоанализа, современные публикации отечественных и зарубежных ученых, философские и психологические работы, затрагивающие проблемы субъектности, идентичности и отчуждения. Отбор материалов осуществляется по принципу релевантности ключевым темам исследования: последствия травмы, диссоциация, идентичность, стыд и вина.

В качестве основного метода сбора данных было выбрано глубинное полуструктурированное интервью. Базой для исследования является психологический центр. Выборка формировалась целенаправленно по критерию наличия в анамнезе пережитого сексуализированного насилия. В исследование были включены подростки в возрасте от 13 до 17 лет (средний возраст – 15.8 лет), обра-

тившиеся за психологической помощью. Критериями включения стал возраст от 13 до 17 лет, факт наличия сексуализированного насилия, с момента травмирующего события прошло не менее 6 месяцев, получено информированное добровольное согласие подростка и его законных представителей. Из выборки были исключены подростки с проявлением текущего острого состояния, выраженными когнитивными нарушениями и наличием суицидального риска на момент проведения исследования. Окончательная выборка составила 20 человек. Размер выборки признан достаточным для качественного исследования, так как был достигнут критерий насыщения – момент, когда новые интервью переставали давать принципиально новую информацию для решения исследовательских задач. Основным инструментом являлся Путеводитель глубинного интервью, разработанный авторами на основе теоретической модели отчужденной субъектности и анализа литературы. Путеводитель включал открытые вопросы, сфокусированные на следующих тематических блоках: 1. Субъективное восприятие и нарратив о травмирующем событии. 2. Изменения в образе «Я» и самоотношении (стыд, вина, самообвинение). 3. Эмоциональная регуляция и стратегии совладания. 4. Отношения с телом и физические ощущения. 5. Социальные отношения и чувство безопасности. 6. Чувство жизненной перспективы и личностные ресурсы. Каждое интервью проводилось индивидуально, средняя продолжительность составила 60-90 минут. Все интервью после получения дополнительного разрешения записывались на аудионоситель и затем дословно транскрибировались с сохранением верbalных и неверbalных маркеров (паузы, интонации, плач), что составило массив текстовых данных для анализа объемом около 200 страниц. Для анализа текстовых данных применялся тематический анализ (по Браун и Кларк) [5]. Для повышения надежности анализа применялась стратегия триангуляции кодирования: коды и темы независимо верифицировались вторым исследователем. Разрешение возникающих расхождений происходило путем консенсуса. Для оценки текущего психоэмоционального состояния и исключения острых состояний дополнительно использовались шкала тревоги Спилбергера-Ханина (в адаптации Ю.Л. Ханина) и шкала депрессии Бека (в адаптации Н.В. Тарабриной).

Хотя психика обладает ресурсами для совладания, в ряде случаев последствия психотравмирующих событий носят продолжительный характер, приводя к развитию клинических симптомов. Последствиями сильных эмоциональных потрясений чаще всего становятся психогении, которые могут

проявляться как неврозоподобные состояния, реактивные состояния, а в некоторых случаях и как психические расстройства, включая признаки посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), как частного случая психогенеза.

ПТСР – это диагностическая категория, описывающая профиль симптомов, развивающихся после непосредственного переживания травмирующего события или в результате наблюдения за ним. ПТСР не описывает весь спектр реакций на травмирующие события, для этого проявляющиеся симптомы должны соответствовать определенным критериям, установленным в МКБ-10: симптомы вторжения или повторное переживание события, избегание, а также возбуждение и реактивность. Однако реакции многих людей выходят за рамки этих критериев. В МКБ-11 для этого введен диагноз «комплексное ПТСР», который включает три классические группы симптомов ПТСР и дополнительно три группы симптомов, связанных с «нарушениями самоорганизации» или «нарушениями в Я-организации личности»: проблемы с регуляцией аффектов, убеждения о себе как о приниженнем, побежденном или бесполезном человеке, сопровождающиеся чувством стыда, вины или неудачи, связанными с травмирующим событием и трудности в поддержании отношений и ощущении близости с другими людьми [6].

Как показывает практика, в ситуациях, где травма затрагивает многих (например, чрезвычайные ситуации или переживание утраты близкого человека), чаще развиваются признаки классического ПТСР. В случаях же прямого воздействия на конкретного человека (например, насилие) присоединяется так называемый Я-компонент, формирующий признаки комплексного ПТСР.

При этом пациент может не соответствовать всем диагностическим критериям, однако Я-нарушения оказывают существенное влияние на систему самоопределения, становясь фундаментом личности и формируя искаженное восприятие себя и мира. Страдает самоидентичность: формируется негативное самоопределение, основывающееся на искаженных убеждениях о себе.

В момент травматического события стратегии выживания не подчинены логическому выбору, а представляют собой адаптивные механизмы, направленные на сиюминутное разрешение ситуации [7]. Сопутствующие механизмы защиты (диссоциация, вытеснение) способствуют укоренению этих стратегий в виде автоматизмов. Отсутствие критического осмысления в момент ситуации посредством вытеснения травмирующего опыта снижает до минимума возможность переосмыслять произошедшее до того, как автоматизм

сформировался. Этим объясняется последующая импульсивная, неадекватная реакция даже при отсутствии объективной угрозы.

Кроме того, стремление психики «завершить незавершенное» приводит к бессознательному проигрыванию травматических сценариев. Однако многократное «проигрывание» автоматических паттернов не освобождает вытесненный опыт, а наоборот укрепляет защитные механизмы вокруг него. Таким образом, психика создает иррациональные пути исцеления, «бег по кругу», который усугубляет негативный характер произошедшего и усиливает симптоматику. Следовательно, психологическая работа, направленная лишь на облегчение симптомов, дает временную эмоциональную разрядку, не затрагивая при этом причин их появления.

Опыт практики позволяет сделать вывод, что при событиях, приводящих к развитию симптомов ПТСР, сопутствующим фактором часто выступает чувство вины или самообвинения, тогда как при Я-нарушениях формируется устойчивое чувство стыда. Концептуально стыд формируется вокруг личности («про меня»), тогда как чувство вины сосредоточено вокруг ситуации, затрагивающей других («про другого»). Можно предположить, что механизм формирования стыда или вины взаимосвязан со средовым фактором. При воздействии, касающемся исключительно пострадавшего (например, насилие), основной ущерб наносится личности, формируется глубинное убеждение: «Я пострадал один. И мне стыдно за ту часть себя, которая пострадала. Я ее стыжусь, поэтому отвергаю». В ситуациях, распространяющихся на других (катастрофы, общая утрата), убеждение может быть иным: «Я пострадал не один. Мне нечего стыдиться, но я могу чувствовать вину». С терапевтической точки зрения, чувство вины гораздо быстрее и легче поддается психокоррекции, чем стыд, который становится устойчивым и основополагающим в самоопределении.

В момент психотравмирующего события происходит расщепление личности. Ситуация, вызвавшая невыносимые переживания, способствует вытеснению травмирующего опыта и последующему отчуждению травмированной части психики. Этот вытесненный материал гипотетически можно именовать «отчужденной субъектностью».

Субъектность, по определению В.А. Петровского, это способность быть «*causa sui*», источником самого себя, обладать самопричинностью, проявляющейся в самосозидании, самоподдержании и саморазвитии [3]. Ключевыми характеристиками субъектности являются активность и причинность. Отчужденная субъектность, будучи вы-

тесненной, также проявляет активность в виде дериватов (симптомов, навязчивых повторений) [8]. Поэтому отчужденная часть Я именуется субъектностью – она «не молчит», а проявляет активность, прорываясь в сознание для завершения негативного опыта.

В теории объектных отношений существует понятие внутреннего объекта как интернализированного образа Другого [4]. Внутренний объект представляет собой бессознательный, эмоционально нагруженный образ значимого Другого, который формируется на основе опыта общения с другим человеком с самого раннего детства. Согласно теории объектных отношений, из-за незрелости психики ребенок не может воспринимать Другого (например, мать) как целостного человека, у которого есть и хорошие, и плохие качества. Он расщепляет этот образ на хороший объект и плохой объект. Эти расщепленные образы интровертируются и становятся внутренними объектами и структурными элементами психики.

Формирование отчужденной субъектности представляет собой аналогичный механизм, но в качестве «Другого» выступает часть личности самого пострадавшего. Попытки психики справиться с травмой становятся причиной расщепления, а отчужденная часть становится прообразом «плохого Я».

Происходит процесс двойной глубинной интроекции, когда интроверт, существовавший ранее в виде образа Я, расщепляется, и его негативная часть отчуждается.

Механизм отщепления и последующей объективизации отчужденной субъектности можно описать следующим алгоритмом: личность пострадавшего под воздействием адаптивных механизмов «отщепляет» часть своей пострадавшей личности (носителя субъектности) и вытесняет ее вместе с травмирующим опытом. Отвержение этой раненой части себя способствует тому, что личность (как объект) объективирует эту отвергаемую часть, пытаясь избавиться от травматического опыта и этой части себя вместе с ним. Многократные дериваты способствуют формированию более мощных защит вокруг травмированной части и усилению отчуждения. Однако, несмотря на попытки объективизации, субъектность (активность дериватов) в этой части сохраняется, но постепенно замещается и укрепляется в стыде, превращаясь в устойчивый глубинный стыд как часть личности.

В процессе анализа и исследования образов Я выявляется характер отчуждения этого «плохого» внутреннего объекта. Люди, пережившие сексуализированное насилие, относятся к этой части

личности как к чужой: «Как будто это не со мной», описывая ее как «грязную, плохую, никчемную».

Многочисленные исследования свидетельствуют, что чем дальше от травматического события по времени, тем больше негативных последствий проявляется в психике [9]. Наши данные показывают, что наибольший урон для жертв сексуализированного насилия наблюдается в сфере нарушений организации Я.

Терапевтической задачей в связи с этим становится не работа с симптомами, а признание субъектности в отвергаемом, интеграция травмирующего опыта и восстановление целостности личности, пусть и с ранеными, но принятыми частями.

Работа специалистов с последствиями психотравмирующих ситуаций, в том числе с сексуализированным насилием, предполагает наличие высокой эмоциональной нагрузки и требует от специалиста высоких навыков саморегуляции. В связи с этим следует принимать к сведению, что большому риску в работе с такими пациентами подвергаются именно специалисты помогающих профессий. Они подвержены так называемой травме очевидца, или викарной травме. В DSM-5 указано, что и викарная травма может повлечь за собой формирование ПТСР, поэтому специалистам, работающим в этой сфере, крайне важно следить за своим психоэмоциональным состоянием и предпринимать необходимые меры профилактики, а в некоторых случаях и реабилитации последствий [10].

Результаты и обсуждения

В исследовании приняли участие 20 подростков от 13 до 17 лет, переживших сексуализированное насилие от 6 месяцев до 5 лет назад. Тематический анализ транскриптов глубинных интервью позволил выявить четыре ключевые темы, описывающие феноменологию и содержание отчужденной субъектности у подростков, переживших сексуализированное насилие. Результаты представлены в соответствии с выдвинутыми гипотезами:

Тема 1 – «Расщепление и объективизация травмированного Я». У всех респондентов в нарративах было выявлено ярко выраженное отщепление основного Я от травмированной части. Травмированная часть описывалась как отдельная сущность. В нарративе для ее обозначения использовались слова: «она», «та часть меня», «как будто это была не я». Наблюдался переход описания от своей части личности, как о человеке, к описанию объекта, как метафоре: «грязь», «черная дыра». Диссоциативное чувство подтверждают такие нарративы, как «в тот момент я как будто была не здесь, я смотрела на все со стороны», «сейчас я

вспоминаю ту ситуацию и не верю, что это было со мной, как будто та, другая – это не я, просто очень на меня похожа», «воспоминания напоминают фильм ужасов, ты смотришь на это и ощущение, что этого не могло со мной произойти, это просто плохой фильм, я знаю, что это со мной произошло, но я не чувствую, что это была я». В высказывании явно прослеживается расщепление единого Я на Я-настоящее и Я-травмированное (отчужденную субъектность). Травмированная часть наделяется негативными характеристиками («слабая», «грязная») и объективируется – от нее хотят избавиться как от чужеродного объекта. Описание отчужденной субъектности как автономной части следует из нарратива одного респондента: «Во мне есть как бы две части. Одна – это я сейчас: я учусь, тусуюсь с подругами, смеюсь. А другая – она осталась там в лагере. Она молчит, но я чувствую ее. И если я услышу тот запах духов или резкий звук, она просыпается, и меня всю трясет. Я не могу ее контролировать. Я от нее устала». Подросток описывает отчужденную субъектность как автономную сущность («она»), обладающую собственной памятью и триггерными механизмами. Утрата контроля над этой частью подчеркивает ее отделенность от сознательного Я и подтверждает тезис о сохранении ее собственной активности.

Тема 2 – «Атрибуция негативных качеств и устойчивое чувство стыда». Гипотеза о стигматизации отчужденной части и ее связи с устойчивым чувством стыда получила полное подтверждение. Отчужденной субъектности приписывался весь комплекс негативных переживаний, связанных с травмой. Основными дескрипторами стали «грязная» (18 из 20 респондентов), «испорченная» (14 из 20), «слабая» (14 из 20), «виноватая» (11 из 20). Важно отметить, что чувство вины часто упоминалось как эмоция, направленная на действия – «я сама виновата, что пошла», в то время как стыд описывался как тотальное состояние: «Мне стыдно за ту девчонку, которой я была тогда. Она была такая наивная. Она сама виновата». Встречалось описание навязчивых повторений: «Я моюсь по несколько раз в день. Мне кажется, что я воняю этим уродом. Я никак не могу это смыть»; «Я оглядываюсь постоянно, когда иду по улице. Мне кажется, все на меня смотрят и знают, что произошло. Меня ненавидят из-за этого, и всем стыдно со мной общаться. И мне тоже стыдно быть такой». Стыд не просто является эмоцией, а становится ядром идентичности отчужденной субъектности и, благодаря ее активности, пронизывает всю личность, проявляясь в компульсивном поведении.

Тема 3 – «Проявления активности отчужденной субъектности: дериваты, соматические проявления и навязчивые повторения». Гипотеза о проявлении активности вытесненного материала через широкий спектр дериватов подтвердилась. Были идентифицированы четыре основных типа проявлений: соматические и диссоциативные реакции: панические атаки, психогенная боль, диссоциативные эпизоды при столкновении с триггерами: «Я не могу носить определенную одежду. Тесные кофты, например. Мне сразу нечем дышать, и я как будто проваливаюсь в пол. Все вокруг становится нереальным. Врач говорит, что с сердцем все нормально. Это просто паника. Но это не просто паника»; самоповреждающее поведение: 9 из 20 респондентов сообщили о практике селф-харма, его функция описывалась как попытка «выпустить наружу ту боль, которая жрет изнутри» или «наказать эту плохую часть себя, чтобы не чувствовать ее»; искаженные паттерны отношений: неспособность выстраивать коммуникацию, избегание близости из-за страха быть разоблаченной, 6 из 20 респондентов становились объектами для буллинга после насилия, хотя до этого случая таковых проявлений не наблюдалось; навязчивые мысли и вторжения памяти, как непроизвольные воспоминания и образы о пережитых событиях, кошмарные сны. Соматизированные реакции являются прямым телесным проявлением активности отчужденной субъектности. Тело «помнит» то, что сознание пыталось забыть, и реагирует на триггеры, символически связанные с травмой [7].

Тема 4: «Борьба за власть и контроль: инактивация и попытки «изгнания» травмированной части». Эта тема, не заявленная в гипотезах, возникла из данных как важное дополнение. Подростки описывали постоянную внутреннюю борьбу за контроль над отчужденной частью, используя две основные стратегии: подавление и избегание – попытки забыть, «закопать» эту часть, избавиться от навязчивых мыслей, которые приходят в голову, не видеть эти «дурацкие кошмары», не вспоминать; а также проекция и попытки «изгнания» – желание «убрать это из себя», «утопить», «выбросить на помойку», что является прямым продолжением механизма объективизации. Обе стратегии являются дезадаптивными и лишь усиливают внутренний конфликт, подтверждая тезис о том, что вытеснение и подавление не приводят к интеграции, а лишь усугубляют симптоматику.

Проведенный анализ эмпирически подтвердил выдвинутые гипотезы. Концепт «отчужденной субъектности» был верифицирован и операционализирован через четыре ключевые темы, описывающие его как самостоятельное, структурное об-

разование в психике подростков, пострадавших от сексуализированного насилия, обладающее специфическим содержанием и собственной активностью, проявляющейся через широкий спектр дериватов. Как и предполагалось, вследствие травмы наблюдается диссоциативное расщепление целостного образа Я. Травмированная часть субъектности не интегрируется, а подвергается отчуждению и объективации, что ярко иллюстрируют нарративы респондентов. Полученные данные позволяют углубить понимание механизма формирования стыда: стыд закрепляется именно на отчужденной части, что делает его устойчивым и трудноподдающимся коррекции, в отличие от чувства вины. Активность отчужденной субъектности проявляется через широкий спектр дериватов: когнитивных (навязчивые мысли), аффективных (вспышки гнева, стыда), поведенческих (септ-харм, избегание) и соматических (панические атаки). Это подтверждает наш тезис о том, что работа только с симптоматикой без попытки интеграции этой отчужденной части в систему целостного Я является малорезультативной.

Проведенное исследование имеет ряд ограничений, связанных с репрезентативностью выборки: выборка формировалась целенаправленно и с малым количеством респондентов; качественный дизайн исследования и глубинное интервью несут в себе потенциальную субъективность данных, несмотря на принятые меры триангуляции; характер исследования не позволяет проследить динамику феномена отчужденной субъектности в долговременной перспективе. Вместе с тем, полученные данные представляют собой научный исследовательский и практический интерес для будущих исследований в сфере изучения последствий травмирующих событий.

Выводы

Проведенное теоретико-эмпирическое исследование позволяет утверждать, что концепция «отчужденной субъектности» является релевантным и

клинически значимым конструктом для описания глубинных последствий сексуализированного насилия у подростков, выходящим за рамки классических диагностических категорий ПТСР и комплексного ПТСР. Эмпирически было доказано, что отчужденная субъектность представляет собой структурное образование в личности, характеризующееся диссоциативным расщеплением целостного образа «Я» и объективизацией травмированной его части, ее стигматизацией через устойчивое, тотальное чувство стыда, становящееся ядром негативной идентичности, сохранением психологической активности, которая проявляется через широкий спектр дериватов.

Теоретическая значимость работы заключается в предложении новой объяснительной модели, интегрирующей теорию субъектности и теорию объективных отношений для анализа последствий травмы. Это позволяет сместить фокус с симптоматики на нарушения внутренней структуры личности.

Практическая значимость заключается в определении новой мишени для психокоррекционного воздействия. Результаты исследования свидетельствуют о том, что работа, направленная не на подавление симптомов, а на диалог, признание и последующую интеграцию отчужденной субъектности, может быть более результативной для восстановления целостности личности и преодоления хронического чувства стыда.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой методов диагностики данного феномена, проведением лонгитюдных исследований для изучения его трансформации в процессе психокоррекции и оценкой результативности различных психотерапевтических подходов в работе с интеграцией отчужденной субъектности. Таким образом, введение данного концепта открывает новые возможности для более глубокого понимания травматического опыта и повышения эффективности психологической помощи подросткам, пережившим сексуализированное насилие.

Список источников

1. Герман Дж. Травма и исцеление. Последствия насилия от абызова до политического террора. Москва : Эксмо, 2024. 640 с.
2. UNICEF, United Nations Children's Fund, When Numbers Demand Action: Confronting the global scale of sexual violence against children, New York, 2024. <https://data.unicef.org/topic/child-protection/violence/sexual-violence/>
3. Петровский В.А. Начала мультисубъектной персонологии // Развитие личности. 2010. № 1. С. 55 – 72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nachala-multisubektnoy-personologii> (дата обращения: 01.05.2025)
4. Шарфф Д. Основы теории объективных отношений. М.: «Когито-Центр», 2009. 304 с.
5. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology. Qualitative Research in Psychology. 2006. № 3 (2). Р. 77 – 101.

6. Cloitre M. et. al. Evidence for the coherence and integrity of the complex PTSD (CPTSD) diagnosis: response to Achterhof [Electro] / European journal of psychotraumatology. 2020. Vol. 11. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7170304/> (дата обращения: 30.04.2024)
7. Колк Б. Тело помнит все: какую роль психологическая травма играет в жизни человека и какие техники помогают ее преодолеть. М.: Эксмо, 2022. 464 с.
8. Ярошевский М.Г. Психология бессознательного: Сборник произведений. Москва: Просвещение, 1990. 448 с.
9. Решетников М.М. Психическая травма: учебное пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры. 2-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2018. 200 с.
10. Зарипова А.Ф., Лисецкий К.С. Особенности оказания психологической помощи в ситуации переживания утраты и горя: методические рекомендации. Самара: SAMARAMA, 2024. 70 с.

References

1. Herman J. (2010). Trauma and Healing: The Consequences of Violence from Abuse to Political Terror. Moscow: Eksmo, 2024. 640 p.
2. UNICEF, United Nations Children's Fund, When Numbers Demand Action: Confronting the Global Scale of Sexual Violence against Children, New York, 2024. <https://data.unicef.org/topic/child-protection/violence/sexual-violence/>
3. Petrovsky V.A. Principles of Multisubjective Personology. Personality Development. 2010. No. 1. P. 55 – 72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nachala-multisubektnoy-personologii> (accessed: 01.05.2025)
4. Scharff, D. (2010). Foundations of Object Relations Theory. M.: "Kogito-Center", 2009. 304 p.
5. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology. Qualitative Research in Psychology. 2006. No. 3 (2). P. 77 – 101.
6. Cloitre M. et. al. Evidence for the coherence and integrity of the complex PTSD (CPTSD) diagnosis: response to Achterhof [Electro]. European journal of psychotraumatology. 2020. Vol. 11. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7170304/> (date accessed: 30.04.2024)
7. Kolk B. The body remembers everything: what role psychological trauma plays in a person's life and what techniques help to overcome it. M.: Eksmo, 2022. 464 p.
8. Yaroshevsky M.G. Psychology of the Unconscious: A Collection of Works. Moscow: Prosveshchenie, 1990. 448 p.
9. Reshetnikov M.M. Mental Trauma: A Textbook for Bachelor's, Specialist, and Master's Degrees. 2nd ed. Moscow: Yurait Publishing House, 2018. 200 p.
10. Zaripova A.F., Lisetsky K.S. Features of Providing Psychological Assistance in Situations of Experiencing Loss and Grief: Methodological Recommendations. Samara: SAMARAMA, 2024. 70 p.

Информация об авторе

Зарипова А.Ф., аспирант, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, г. Самара, ул. Максима Горького, 65, albinafanizovna@gmail.com

© Зарипова А.Ф., 2025